

2. Котылев А. Орнаментальный полет Павла Микушева // Котылев А. Ю., Котылева И. Н. Шаман и шут: сборник статей по истории этнофутуризма в Республике Коми. Сыктывкар, 2012.
3. Котылев А. Ю. Титаны переходной эпохи: сравнительно-культурологический анализ автобиографий К. Ф. Жакова и П. А. Сорокина // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар, 2005.
4. Котылев А. Этнокультурное наследие в современных художественных практиках // Котылев А. Ю., Котылева И. Н. Шаман и шут: сборник статей по истории этнофутуризма в Республике Коми. Сыктывкар, 2012.
5. Котылева И., Котылев А. Интеркультурное настоящее этнофутуризма // Арт. 2002. № 3.
6. Котылева И. Путешествие в мир «другого» // Арт. 2000. № 2.
7. Окладникова Е. А. Экологическое сознание современных художников-индейцев Северной Америки и его древние символы // Общество. Среда. Развитие. («TERRA HUMANA»). 2009. № 1(10).
8. Розенберг Н. А. Прорубить окно в Азию. СПб., Ижевск, 2001.
9. Шибанов В. Л. Этнофутуризм как диалог культур // Феномен этнического и глобализация современной культуры народов Поволжья и Приуралья: Художественная практика, дискурс, образование. Ижевск, 2004.

А.П. Люсый

**Терминосифия: Пограничное пространство
в «географии разума»**

УДК 088

Напряжение темы – в двойственности самой идеи границы. Граница как предел может и способствовать обустройству человека, определению его места в мире, но может и заключать, ограничивать его. Граница дома может оборачиваться границей тюрьмы – все зависит тут не от нашего отношения к дому или тюрьме, но от нашего отношения к самой идее границы. Современные границы выполняют не только функцию определения национальной идентичности, но могут быть инструментальными в формировании внутренних конфликтов, продуцируя типы нарушителей границы. Один из

них – исследователь в поисках нового опыта, или те, кто просто хочет расширить свои знания, осваивая новые территории.

Ключевые слова: разделение, иерархия, номадический дискурс, нарушитель, семиосфера, трансграничный регион, идентичность.

Al. Lusi. “Terminosofia”: Borderline space in the “geography of reason”

Tension of this topic lies in the duality of the idea of border. The border as a limit can contribute to the equipping of the person and the definition of its place in the world, but can restrict it. Border home can become a border prison –everything depends on our attitude not to home or prison, but our attitude to the idea of the border. Modern borders have not only a function of determining national identity, but can be an instrument of internal conflict, producing types of trespassers. One of these types is a researcher in search of a new experience, or someone who just wants to expand their knowledge, mastering new territory.

Key words: division, hierarchy, nomadic discourse, violator, semiosphere, cross-border region, identity.

«Границы? Никогда не видел их, но слышал, что они существуют в умах большинства людей», – заявил Тур Хейердал, подводя итоговую черту своим знаменитым путешествиям через океаны, континенты, эпохи. Это высказывание можно трактовать как вполне авторитетную констатацию существования нового постграничного мира, по крайней мере, в голове реального неограниченного (путешествующего) субъекта (как будто бы отличающегося своей «природностью» от сконструированного постмодернизмом номада). Наверное, с горизонта («вышки») границы это следует назвать – постбиблейским миром.

Согласно Библии, Бог, творя мир, одновременно совершил не менее важное деяние: установил в сотворенном мире границы, провел межи, которые переступать не следует. «Ты установил все пределы земли», «Ты положил предел, которого не перейдут», – сказано об этом (Пс., 73:17; 103:9). «Это действие Бога, уступающее по своей изначальности лишь самому акту творения, с особой наглядностью являет всю свою властность, когда применяется к водам – субстанции, которая, казалось бы, по природе своей не чувствительна ни к каким границам. Ветхий Завет именно на примере вод многократно подчеркивает незыблемость положенных Богом границ: “...И поставил запо-

ры и ворота, и сказал: доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим...” (Иов., 38:10-11); “...Давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его...” (Прит., 8:29); “Я положил песок границею морю, вечным пределом, которого не перейдет; и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут” (Иер., 5:22)» [6: 27].

Ветхий Завет, весьма широко и не только пространственно понимая границы, положенные обустроивающим землю Создателем, подозрительно относится ко всякому смешению разнородного: «Скота твоего не своди с иною порою; поля твоего не засевай двумя родами семян; в одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна, не одевайся» (Лев., 19:19); «Не паши на воле и осле вместе» (Втор., 22:10). Вместе с тем уже в книгах пророков возникает представление о границах, рассекающих и обустроивающих вертикальный строй бытия, – о Божественной иерархии, которая в настоящее время извращена и подлежит переделке в обратную: «Униженное возвысится и высокое унижится» (Иез., 21:26).

Однако Новый Завет утверждает мысль о перестройке иерархии («Многие же будут первые последними, и последние первыми» – (Мат., 19:30); «всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лук., 14:11)), не отменяя, впрочем, саму идею иерархии и границы, только трактуя ее более отвлеченно, не вдаваясь в мелочные разграничения. Христос пришел, чтобы дать не «мир», но новое «разделение» (Лук., 12:51), чтобы утвердить сущностную пропасть между грехом и праведностью, о которой Авраам говорит грешнику: «хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не перейдут».

Много веков спустя учредитель русского Нового Завета (тот, кто «наше все») через созданную им новую светскую литературу и язык в пору своего увлечения «чистым афеизмом» откровенно высмеял регулирующую стихии деятельность ветхозаветного Создателя:

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?

В последующем же творчестве А. С. Пушкина проблема границ, осложненная собственным положением «невыездного» за границу,

проявляет себя весьма многосторонне. К примеру, она оказывается местом действия двух важных сцен трагедии «Борис Годунов» (по первоначальному авторскому определению – «Комедия в настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве») – «Корчма на литовской границе» (8-я) и «Граница литовская» (14-я). «Причем и в том и в другом случае события, разворачивающиеся на границе, являются сюжетообразующими по отношению к целому. Кроме того, для ряда героев трагедии граница становится точкой их устремлений, хотя при этом они руководствуются разными интенциями. О границе говорят и герои, в топологическом смысле с ней не соприкасающиеся... Наконец, в расширительном значении с соблюдением или несоблюдением границ связан вопрос о мере поступка, волновавший Пушкина на протяжении 20–30-х гг.

Уже в первой сцене трагедии в ответ на реплику Воротынского:

*Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно кровь невинного младенца
Ему ступить мешает на престол, –*

Василий Шуйский произносит весьма значимое в интересующем нас аспекте слово: “Перешагнет”. Далее обнаруживается, что практически все герои трагедии, за исключением очень немногих, переступают границу в прямом или в переносном смысле слова» [7].

По признанию самого поэта, его произведение ориентировано «в светлом развитии происшествий» на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, в семантическом плане оказываясь разверткой одного емкого абзаца эпопеи историографа. О записке Юрия Отрепьева, которую нашел в его келье Спасский Архимандрит, Карамзин писал: «Так в первый раз открылся Самозванец еще в пределах России; так беглый Диякон вздумал грубою ложью низвергнуть великого Монарха и сесть на его престоле, в державе, где Венценосец считался земным Богом, – где народ еще никогда не изменял Царям, и где присяга, данная Государю избранному, для верных подданных была не менее священной!» [4: 232–233].

Развернувшаяся всеобщая, включая самого Бориса в его отношениях с Иоанном, измена присяге и составляет сюжетную канву трагедии, образуя пружину ее динамического драматического развития. «При этом важно подчеркнуть: что бы ни говорили исследователи о

народе безмолвствующем, Пушкин, как и Карамзин, не исключает его из ситуации всеобщего безумия, связанного с преступанием границ. Не случайно именно из этого массового преступления Карамзин выводит постигшие Россию последствия: “Так готовилась Россия к ужаснейшему из явлений в своей истории; готовилась долго: неистовым тиранством двадцати четырех лет Иоанновых, адскою игрою Борисова властолюбия, бедствиями свирепого голода и всеместных разбоев, ожесточением сердец, развратом народа – всем, что предшествует ниспровержению Государств, осужденных Провидением на гибель или на мучительное возрождение”» [7].

Образ границы в «Борисе Годунове» связан с ее первичной функцией. Она от-граничивает, замыкает, образует и охраняет не только целостность, но и сущность, сам факт государственности. На карте, ставшей своеобразным действующим лицом драмы, обозначена граница, графически схематизированная, и благодаря этому абсолютно идеальная, не-переходимая, как это ощущают и Борис, и его сын, и предполагаемый преемник на троне Федор. Хрестоматийное поучение царя сыну – опыт своего рода *терминосологии*, как можно назвать особую науку о границах, по имени римского бога границ Термина. В России в качестве эквивалента возникших в рамках политической географии «пограничных исследований» принят термин *лимология* (англ. «limology» от лат. «limes» – граница). Существует и специальное понятие *погранометрика*, научное направление, изучающее процессы обеспечения пограничной безопасности государств с помощью математических методов и моделей.

*Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Все царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни...*

Высказывания Годунова в пушкинской трагедии говорят о том, что он принял престол ради сохранения нерушимого государственного статуса, коррупционная составляющая отсутствует. Не случайно его острая реакция на сообщение Шуйского о появлении самозванца связана в первую очередь с мыслью о границе, которая, в его представлении, должна соответствовать картографическому идеалу и в реальности:

*Послушай, князь: взять меры сей же час;
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.*

Эта реплика звучит вскоре после эпизода с картой. Царь воспринимает сообщение Шуйского на фоне целостного, замкнутого границами образа страны. В итоге зона максимального натяжения возникает между эйдетической, идеальной, и референциальной границей, которая, в отличие от картографической, оказывается проницаемой и, в силу этого, не выполняющей свою охранительную функцию. «Более того, признаки проницаемости границ, обнаруживающиеся еще в пределах России, связаны не только с контрастом двух образов границы, столкнувшихся в сознании Бориса, но и с обозначившимся в пятой сцене намерением Григория Отрепьева объявить себя счастливо спасшимся царевичем Димитрием, и, как результат, с нарушением им другой – сакральной – границы, которая пространственно манифестируется в трагедии как ограда монастыря, что особенно рельефно было обозначено в исключенной из печатной редакции сцене, так и названной Пушкиным – “Ограда монастырская”. Действие в ней, так же как в сцене “Корчма на литовской границе”, происходит в пограничье, но только во внутрироссийском, монастырском, и по расстановке акцентов обе эти сцены напоминают друг друга» [7].

Можно вспомнить, что в знаменитой диссидентской постановке «Бориса Годунова» в Театре на Таганке в 1981 г., после которой Юрий Любимов переступил черту между собой и советским гражданством, Самозванец был в тельняшке, а Пимен загримирован под А. И. Солженицына. В таком контексте явно упущенной осталась последующая возможность гримировки персонажей под Горбачева и героев Беловежской пущи. В недавней же экранизации Владимира Мирзоева (2011) сюжет приближен к зрителю колоритом осовремененной бандитской разборки.

Возникший в десятой сцене драмы идеальный картографический образ границы имеет своего негативного двойника, возможность существования которого до поры заслонена в сознании Бориса представлением об абсолютной целостности государства и непроницаемости его границ, хотя в сюжетной развертке он (двойник) опережает

картографический образ. Имеется в виду своего рода вербальная карта, которая в восьмой сцене рисует хозяйка корчмы и которая далее служит ориентиром для Григория Отрепьева: «Будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор» [10: 247]. Об относительности границы в той же сцене свидетельствуют слова бродяги Варлаама: «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино...» [10: 244].

Уравнивание своего и чужого фактически отменяет границу, лишая ее признаков знаковости. По принципу единства противоположностей, то же самое, по сути, манифестирует массовый переход русских бояр на сторону поляков, хотя связано это уже с границами иного рода – этическими. Однако и то и другое приводит к деформации внутривосточной семиосферы, что порождает негативную цепную реакцию и образует фундамент трагедийного сюжета, имеющего финал, открытый в историю вплоть до наших дней. К примеру, большинство соотечественников, оказавшихся волею судьбы «не гражданами» прибалтийских республик, отнюдь не стремятся переехать в Российскую Федерацию, их устремления направлены скорее на (якобы?) «нормальный» Запад.

Государственные границы выполняют не только функцию определения национальной идентичности, но могут быть инструментальными в формировании внутренних конфликтов. В этом отношении современные границы имеют глубоко противоречивое значение, которое воплощается в различных формах социальной напряженности. Эрхард Штёлтинг пишет о двух возможных реакциях на это непростое различие. «Первая – отвернуться от границы. Внешний мир просто не существует в смысле его реальности. Представляется, что такая реакция довольно типична. В Берлине до 1989 г. многие люди и на Востоке, и на Западе зачастую игнорировали стену. Они даже не думали о ее другой стороне, хотя знали, что там определенно что-то есть. На стену как на демаркацию различий просто не смотрели, она оставалась неотрафлексированной. Это один из факторов, который помогает вписать границы в общество. Подобное отношение к недавно обозначенным границам способствует постепенному стиранию коллективной памяти. С другой стороны, привлекательность границы,

отличия другой стороны могут вызвать иной тип поведения. В этом случае граница является соблазном пересечь ее, законно или незаконно, и испытать волнение от отличий.

Можно выделить два типа нарушителей границы. Один из них – исследователи в поисках нового опыта, или те, кто просто хочет расширить свои знания, осваивая новые и поэтому заманчивые территории. Они могут демонстрировать свою храбрость и свой опыт позже, получив дома социальное признание и освоив некоторые из привлекательных качеств, приписываемых чужой стране» [15: 12]. Вторым типом – профессиональные нарушители (контрабандисты).

На этом фоне пушкинская трагедия («комедия о беде») – это произведение о тотальном нарушении героями всяческих границ, о мере и способе их перехода, об умеренности, т. е. о важности точного определения границы допустимо-возможного, к чему стремился Пушкин в собственной жизни.

«Я и мои цепи – мы стали друзьями», – говорит герой поэмы «Шильонский узник» одного из пушкинских европейских ориентиров Байрона.

*Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул –
Я о тюрьме своей вздохнул.*

Так граница – и в узком (стены реальной темницы, пол шильонского замка, превращающийся в «алтарь» в байроновском сонете Шильону) и в широком смысле – не отбрасывается, но обыгрывается. Обыгрываются и инстанции, силою которых доктрина границы продолжала сохранять свои позиции в культуре к началу «пограничной» творческой работы одного из основателей немецкого романтизма Новалиса. Авторитета Библии как Книги Границ в конце XVIII столетия было уже явно недостаточно.

Как «вечную тюрьму» начинает он трактовать заключенность в «природе», в прямом и в расширительном смысле. Новалис в вопросе о таком благотворном (само)заключении обнаруживает несвойственную ему язвительность. «Философия зависимости от природы не удостоивается Новалисом даже имени философии, хотя и есть лишь достойные сожаления люди, которые «уничтожили для себя всякую независимость» от чувственного мира и чьи «ленивые, тяжеловесные, рабские соображения в новейшее время были частично возведены в

систему (Руссо, Гельвеций, Локк)». Несколько позднее та же трогательная преданность природе рождает у Новалиса своего рода эпиграмму: «Иные люди, возможно, так сильно привязаны к природе по той причине, что они, как напуганные дети, боятся отца и ищут убежища у матери». «Мать» тут – природа, отец – «дух» [6: 38].

Так духовная деятельность оказывается прежде всего присвоением, понятым как постоянное отодвигание границы личности – или того, что от этой границы еще осталось, – все дальше от центра личности, от я (если это я еще существует): «...Я – не что иное, как принцип присвоения. Все, что входит в его сферу, становится его собственностью, – ибо в этом присвоении и состоит сущность его бытия. Присвоение – изначальное действие его природы...»; «Высшее совершенство мыслящей интеллигенции состоит в том, чтобы быть свободным в чужом, данном...». Позже уже наш современник Р. Рорти определил поэзию как «присваивание случайности» [11: 53]. Так возникает личность, не имеющая места в Домоустройстве мира, существующая вне предустановленных чинов, и если эта бездомность и будет когда-либо пережита как трагедия отлучения от Онтологического Дома, то не сейчас, когда демон радуется обретенной текучести, преодолевающей все онтологические плотины; и, поистине, что может тут сделать Бог, приказывавший не раз водам остановиться? «Его безграничную текучесть (*grenzenlose Fluchtigkeit*), – замечает Фридрих Шлегель о Новалисе, – будет трудно оковать даже женщине» [6: 49].

Я, в принципе, могу вообще отказаться от знания конца, если «демонически» не принимаю данный мне конец, временную границу. Этот прием отказа может выливаться и в искусственное продление текста за пределы всех мыслимых границ – так, Жан-Поль в своем огромном труде «Титане» заявил, что будет «танцевать» от цикла к циклу, от мысли к мысли – «пока не придет конец либо сочинению, либо сочинителю, либо всем и вся» [6: 50], либо, напротив, в насильственном обрывании текста там, где «данный Богом» конец еще не наступил. Нечто подобное проделывает Пушкин в «Евгении Онегине», отказываясь от извне положенной границы, от той данной нам «конечности», которую Новалис изгнал из своего «романтического порядка»: «...мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере» [6: 50].

Тюрьма может быть обозначена не только наличием границ, но скорее отсутствием выхода. Такое обозначение тюрьмы, вероятно,

наиболее соответствует ее сущности. Идеальная тюрьма – такая, у которой отсутствуют какие-либо границы. Ведь граница предполагает существование пространства, лежащего вне тюрьмы, и, следовательно, – надежду, возможность свободы. И наоборот, безграничность – и есть самая что ни на есть идеальная тюрьма, так как по определению не имеет выхода; поэтому снятие границ – занятие, которому столь усиленно предается Новалис, само по себе не дает никакой свободы.

Граница рождает химеры – этот постулат был осмыслен в художественно-философском творчестве русских символистов, в первую очередь, Андреем Белым. В изобразительном искусстве эксперименты с рамочными конструкциями приводят наглядные примеры, демонстрирующие специфику понимания границы в ее функции «полупроводника» в трансцендентное: такие, как изображение отказа от изображения. Наиболее известным вариантом такой «отрицательной репрезентации», по мнению Е. Григорьевой, является «Черный квадрат» К. Малевича [2: 182–183].

«Преувеличенность жизни в смертный час» [14: 6], – так Марина Цветаева регистрирует особую семантическую функцию границы, заключающуюся в том, что само пребывание на границе дает измерение смысла. И философами-экзистенциалистами человеческое существование осмысляется как «бытие-к-смерти», определенное фактом конечности этого бытия. Аналогичным «стоянии на границе» исполнен поэтический авангард, со своим вниманием к пограничным языковым явлениям (неологизмам, деепричастиям, субстантивированным прилагательным и т. п.).

Сама по себе отмена границ не рождает новой целостности, к чему стремились художники-авангардисты, верящие еще в «прекрасный новый мир». Она дает «свободу от целого, апофеоз частиц», что стало наглядно ощутимым в разрушении композиционного целого. Как пишет М.Д. Попкова, процесс этот, начавшись в модернизме, в постмодернизме достиг своего апогея, т. к. обзавелся мощной антитоталитарной идеологией. Бродский так это выражает: «...воображать себя / центром даже невзрачного мироздания / непристойно и невыносимо». А на уровне формы в итоге – рассыпанный текст, кумулятивная композиция – свалка слов, образов, идей – принцип каталога или видеоклипа. Особенно наглядно это разрушение композиции демонстрируют карточки Льва Рубинштейна. Осуществляя означенную выше игровую стратегию, художник запускает ядерную реакцию распада –

высвобождается огромное количество энергии, но в результате – разрушение и смерть... Наверно, после жизни – пустота. И вероятнее, и хуже Ада», – констатирует И. Бродский» [9: 44].

Для А. Е. Махова завершающую веху в развитии огромной темы, имеющей глубокие религиозно-библейские корни, – темы границы, предела, межи обозначает стихотворение американского поэта Роберта Фроста «Починка стены».

Есть нечто, что не любит стен в природе:

Оно под ними в стужу пучит землю,

Крошит на солнце верхний ряд камней

И пробивает в них такие бреши,

Что и вдвоем бок о бок там пройдешь.

Охотники – не так! Я их проломы

Заделывал не раз: на камне камня

Они не оставляют, чтобы выгнать

Забившегося кролика на псов.

А эти кто пробил? Ни сном ни духом...

Но каждую весной они зияют!

Соседа я зову из-за холма.

Выходим на межу и начинаем

Меж нами стену возводить опять.

Мы вдоль стены идем, блюдя межу,

И поднимаем камни, что упали.

А камни – то лепешки, то шары,

Такие, что лежат на честном слове:

“Лежи, покуда я не отвернусь!” –

Их заклиная, ободрив ладони.

Ну вроде как игра 'один в один'.

Доходим мы до места, где как будто

Стены вообще не нужно никакой:

Он – весь сосна, а я – фруктовый сад.

“Ведь яблони есть шишки не полезут!” –

Я говорю, а он мне отвечает:

“Сосед хорош, когда забор хорош”.

Весна меня толкает заронить

В его сознание зернышко сомненья.

“Зачем забор? Быть может, от коров?”

Но здесь же нет коров! Не лучше ль прежде,

*Чем стену городить, уразуметь –
Что горожу, кому и от кого?
Какие причиняю неудобства?
Ведь нечто же не любит стен в природе
И рушит их...' Ему б сказать я мог,
Что это эльфы... Нет, совсем не эльфы!
Пусть поразмыслит... Он же две булыги
В руках сжимает, словно бы оружие –
Ни дать ни взять пещерный человек!
И чудится, что он идет во тьме –
Не то чтобы он шел в тени деревьев...
Не сомневаясь в мудрости отцов
И, стоя на своем, он повторяет:
“Сосед хорош, когда забор хорош”.*

Напряжение темы – в двойственности самой идеи границы. Граница как предел может и любовно обустроить человека, определять его место в мире, но может и заключать, ограничивать его. Граница дома может оборачиваться границей тюрьмы – все зависит тут не от нашего отношения к дому или тюрьме, но от нашего отношения к самой идее границы.

М. В. Тлостанова уделяет большое внимание современному междисциплинарному научному дискурсу пограничных исследований или исследований пограничья, поначалу выросшему из панаме-риканского социокультурного контекста, отмеченного асимметричными взаимоотношениями англо-саксонского мейнстрима. Здесь есть своя «текучесть», «философия моря перекликается с понятием Черной Атлантики, как его сформулировал постколониальный теоретик Пол Гилрой. Черная Атлантика побуждает обратить взоры не к твердой (континентальной или национальной) почве, которая позволила бы укорениться в рамках определенной статичной культуры, а к морю и морскому существованию, к пересечению и транзиту через Атлантику, в результате которого рождаются не фиксированные, а текущие культурные формы. Сама жидкая текстура моря предполагает движение и смешение. И философия моря также обладает этими качествами. Внимание фокусируется на опытах пересечения и нарративах перемещения» [12: 66].

В самых радикальных вариантах пограничного мышления, которые формулируются с точки зрения самой границы и населяющих ее людей, акцент смещается внутрь пограничного сознания, мышления, познания и творчества и т. д. Что такое пограничный индивид и каково его место во все более *опограничиваемом* мире, что связано с усилившимися глобальными миграциями и детерриторизацией, в результате которых рождается на свет новое «я» – не связанное с семьей или определенной культурной группой? Нередко это иммигрант, беженец, изгнанник, обесцененная жизнь, лишенная традиционных связей. Тогда пограничность рассматривается как «культурное головокружение», дезориентация, состояние «после» – после иммиграции, после семьи, после языка, после культуры [12: 67–68].

Пограничное мышление и сознание основывается на саморефлексивном отказе от монотопического субъектно-объектного типа (по)знания, господствовавшего на протяжении последних столетий и легитимированного как подлинно и единственно научный. Позиционирование на пограничье позволяет поставить под сомнение миф модерности, построенный на идее прогресса и развития любой ценой. Риторика модерности выступает действенным средством мифологизации сознания, порождения особой «зачарованности» мифологией модерна, оправдывающей самое себя, исходя из себя же. Место самопровозглашения в случае с модерностью находится внутри самой оцениваемой традиции и связано с эпистемологией нулевой точки отсчета, которая изымает познающего субъекта из мира и превращает этот мир в объект изучения. Пограничные исследования в постколониальной перспективе настаивают на сдвиге «географии разума» с ее западного места и телеологическое откладывание или отсрочка дисциплинарности с ее методологическими претензиями, и попытка сделать метод объектом вопрошания, поставив под сомнение его онтологический статус.

«Освобождение от дисциплинарного декаданса и деконструкция нулевой точки отсчета лежат в основе критического пограничного сознания, знания, мышления, творчества и теоретизирования в самых разных проявлениях. Пограничье как локус существования может быть определено и во временном, и в пространственном смыслах как изменчивое взаимодействие традиционного и современного начал и как транскультурационный перевод с языка одной инаковости на язык другой. Оно нередко лишается географической конкретности и пере-

носится по аналогии на самые разные социокультурные модели, в область этнокультурной, гендерной, квир-маргинальности, уходя порой целиком внутрь сознания человека границы, существующего на грани культурной трансгрессии, между культур и времен, среди языков, в состоянии постоянного пересечения границ или даже бытия на границе и в качестве границы, когда она проходит внутри индивида. Осмысление пограничья связано и с проблемой смены культурных парадигм и взаимоотношений центра и границ» [12: 68].

Пограничье – это место возникновения особой субъектности, самоощущения того, кто не пересекает или преодолевает границы, не рассуждает о них с некой отстраненной псевдообъективной позиции наблюдателя, вынужденного из мира, но сам представляет собой границу, т. к. живет внутри разлома пограничья. Это третье время пространства, особое место, где, по словам Г. Асальдуа, третий и первый мир «постоянно трутся друг о друга» и «кровоточат, пока не родится нечто новое», означенное дефисом, который может быть не границей абсолютного разделения, но воображаемым мостом, т. е. образом объединяющим. «Граница как дом, лаборатория, министерство культуры и контркультуры, где возможно общение на равных, по словам мексикано-американского художника Гильермо Гомеса Пеньи, пограничное путешествие по мирам других людей с любовью, связанное с неагрессивным восприятием другого, с абсолютной пластичностью играющего, свободно и играючи переходящего от одной миромодели к другой, в интерпретации аргентино-американского философа Марии Лугонес.

Пограничье – вечное мерцание включения и исключения, замешанных на неснимаемой противоречивости и вечной неготовности. Не случайно, размышляя о метаморфности пограничья, о его вечно становящейся природе, культуролог Р. Росальдо описывает «зоны культурного пограничья как находящиеся в постоянном движении, а не застывшие для инспекции». Гибридность отличает и сам номадический дискурс границы, находящийся в вечном пути к «транзитному залу ожидания культуры», как описал современную глобальную культурную нестабильность антрополог Дж. Клиффорд. Из подобных метафор вырастают особое пограничное сознание, гнозис, творчество, ракурс видения – не там и не здесь, или и там и здесь, и где-то еще, в русле конъюнктивной логики.

Тип «соблазненных» границей нарушителей помогает воспроизводить коллективную идентичность более осознанно: с одной стороны, все сильнее утверждать ее новыми аргументами, с другой стороны, подвергать ее опасности. Существуют аналогичные феномены социального восприятия. Пересечение сексуальной границы одновременно подтверждает и подрывает традиционные гендерные роли. И это пересечение можно воспринимать как угрозу «нормальной» идентичности. То же наблюдается при пересечении границ научных дисциплин. Упорядоченная кооперация так же бесплодна как, например, туризм официальных делегаций. Ее можно противопоставить ученым, которые игнорируют границы и тем самым угрожают существованию формальных дисциплин и дисциплинарной идентичности, открывая новые межграницные пространства.

Ключевым субъектом в системе взаимодействия культур стал маргинальный человек трансграничного региона. Пограничник нового типа (пограничник-нарушитель, пограничник наоборот) военный аналитик Бредли Меннинг охарактеризован американскими ученым Хуаном Коулом и актером Оуеном Джонсом как «герой нашего времени» [5]. Передачей более 700 000 секретных документов сайту WikiLeaks Б. Мэннинг помог осуществить самую масштабную утечку секретной информации в мировой истории, среди которой знаменитая сцена расстрела вертолетом «Апач» мирных иракцев (среди них и журналиста Рейтерс) в Багдаде, факты поддержки США эскадронов смерти в Афганистане, досье на заключенных военной тюрьмы Гуантанамо, масштабы коррупции в Тунисе и Египте (что, собственно, и вызвало революции в этих странах). «Я надеюсь на международное обсуждение, дебаты и реформы... Если же этого не будет, то мы обречены как вид», – объяснил он принципы своей деятельности [17]. Определенной моральной победой его сторонников стало решение военного суда, оправдавшего Мэннинга по наиболее серьезному обвинению в помощи врагу, но признавшего виновным по большинству из более чем 20 других обвинений, включая шпионаж, кражу и компьютерное мошенничество, благодаря чему он получил «всего» 35 лет тюрьмы с возможностью досрочного освобождения.

В то же время отметим, что главной линией защиты на процессе были психическое расстройство и гомосексуальные наклонности Б. Мэннинга, что подтвердилось после вынесения приговора его заявлением о желании пройти курс гормональной терапии для превраще-

ния в женщину. Явленная в его лице мутирующая граница-саморефлексия тем самым обретает присущий ей женский род. Главный же итог деятельности дуэта создателя WikiLeaks Д. Ассанжа и Д. Мэннинга – превращение Интернета из аполитичного пространства в действенный механизм по формированию взглядов на реальность. У Мэннинга появились последователи (Э. Сноуден). Согласно созданному в поддержку Д. Мэннинга сайту, он – вслед за первым «предателем» мирового масштаба М. С. Горбачевым становится претендентом на Нобелевскую премию мира [17]. В промежутке же лауреатом данной премии авансом стал только еще вступавший на свой пост Президент США Б. Обама, по все более общему мнению отнюдь не оправдавший, а скорее «предавший» полученный аванс (я пишу эти строки, не зная, будет ли реализовано уже принятое им решение о вмешательстве в гражданскую войну в Сирии).

Размышления о «теории предательства», связанные с заявленной нами треминосоефией, обладают дозой гротескной двусмысленности. Практической контрабанде и реальному предательству теория совершенно не нужна, притом, что любая теория может быть перенесена в автобиографический контекст и ложно истолкована как руководство к действию. «Заслуженный предатель на покое» – иронично назвал последнюю главу своей книги «История одного предателя. Террористы и политическая полиция» Б. Николаевский, посвященную Е. Азефу [8]. Однако В. Янцен оспаривает столь безапелляционную оценку: в данном случае речь идет о серии двойных предательств, логически снимающих друг друга и ставящих под сомнение правомерность употребления в данном случае самого понятия «предательство». «Хотя и содержание и логическая структура его деятельности полностью соответствовали всем традиционным критериям и представлениям о понятии предательства (был и субъект-деятель и многочисленные жертвы, было и сознательное одностороннее вероломное нарушение предшествующих взаимных договоренностей и обязательств), некоторые особенности этой деятельности все-таки не позволяют называть его предателем. Камнем преткновения здесь оказывается даже не снимающее само себя двойное предательство, а проблема самоидентификации Азефа. Хотя о его внутреннем мире известно менее всего, не может быть сомнений в том, что во время долголетнего сотрудничества с департаментом полиции и с эсерами он не отождествлял своих целей ни с охранными, ни с революционными задачами этих орга-

низаций, будучи “своим” только среди “враждующих чужих”. Но, может быть, в этом-то как раз и состояла вся суть его подлинного лица? Ведь в периоды временных перемирий между правительством и революционерами, как это произошло, например, во время созыва Первой государственной думы, Азеф сразу же оказывался не у дел. Одними собственными силами он не мог причинить серьезного вреда ни той, ни другой стороне. А как только вражда и военные действия между ними возобновлялись, он был снова тут как тут, всегда вовремя на месте и всегда желанный и радикальный помощник. Был ли Азеф просто удачливым бизнесменом, зарабатывавшим на чужой вражде, или служил какой-то заинтересованной в разжигании гражданской войны в России иностранной державе, в данном контексте неважно. Важно другое: сторонником процветания своей Родины, России, он явно не был и вел себя как агент вражеской разведки. А главное отличие агента, шпиона, вражеского разведчика от предателя состоит в том, что он не отождествляется с противником и не предает себя: он просто играет чужую роль. Но знает, что его идентичность связана с каким-то другим местом, в котором уже не надо будет играть никаких ролей, а можно будет жить нормальной спокойной собственной жизнью» [16: 242].

С одной стороны, суть человеческой деятельности состоит в постоянном стремлении к новому опыту и новому знанию, к расчленению обыденности, к переходу с помощью комбинаторики духа за границы привычного и известного. Такой переход нередко оказывается выходом за пределы существующей системы нравственности, ее кодов и запретов. Своего рода лукавство рационального знания, не признающего никаких границ любознательности и науки, заключается в том, что они порождают идеал нейтрального, эмоционально, ценностно и нравственно не ориентированного знания. Может быть, математические формулы и геометрические линии и кажутся, на первый взгляд, эмоционально неокрашенным и нравственно нейтральным содержанием нашего опыта, но, приобретая более конкретные очертания предметов нашего быта, наших домов, линий окружающей нас повседневности, наших изобретений, служащих не только облегчению жизни, но и массовому уничтожению и антигуманным финансовым стратегиям, они эту эмоциональную и нравственную окраску обретают заново, а уж в виде музыкальных произведений са-

мым непосредственным и чистым образом вонзаются в мир нашей чувственности.

Поэтому, с другой стороны, «как бы убедительны ни были сомнения в справедливости суждений и приговоров по отношению к отдельным событиям и лицам в прошлом и настоящем, как бы не менялись в истории системы ценностей, общечеловеческие основы нравственности должны сохранять свой антиномичный характер: добро не должно подменяться злом, правда – лукавством и обманом. Ибо в предельно общих этических категориях добра и зла отражено существенное для нормирования межличностных и общественных отношений онтологическое содержание, подмена которого грозит и индивиду и обществу неминуемой гибелью. Именно так эта проблема в течение многих веков рассматривалась и в религиозных учениях, и в философии и в искусстве. В своей основной мотивации – обеспечении выживания и здорового функционирования человеческого общества – содержание этики и онтологии совпадает» [16: 251]. Там же, где подмена предельно общих этических категорий все же происходит, приходится констатировать наличие очевидных симптомов заболевания общества и при его исследовании переходить к языку и методам психологии.

«И возвратясь, я мог единым словом / Изобличить сокрытого злодея» [10: 220]. В современной Москве аналогом Мэннинга стал разоблачитель, но не разбрасыватель «камней» через границы, а прежде всего их собиратель (своего рода сетевой Калита компромата) А. И. Навальный. Однако к первым за десять лет выборам московского мэра с его участием в 2013 г. основная масса московского электората отнеслась с традиционным «безмолвием».

Итак, граница в современном мире являет собой не столько фигуру оппозиции «своего–чужого», сколько метит (рас-страивает) то «пространство без почвы», промежуточный мир, первичное письмо, о котором пишет Деррида как о мире *differance*. Собираение и расстройство... «Введение словечка “рас-страивание”, которое, возникая уже не как понятие, но, скорее, как оператор общности подобно известному “рассеиванию” Деррида, позволяет выказать некоторые неожиданные характеристики границы, указывая как на нарушение, так и на какое-то производство, пометить переходность, промежуточность, безосновность текста. Особенность “концепта” границы, который здесь исследуется и одновременно включается в игру означивания

текста, состоит в том, что он осциллирует между интерпретацией ее либо как знака “перехода”, либо как знака “конца”, причем важным оказывается удержание и того, и другого, что и заставляет подозревать за ними стратегию одной игры, быть может, навсегда разрушающей любую метафизику текста. Иначе говоря, концепт границы играет не просто на наличии пустого “межтекстового” пространства, но на таком разъеме означающих, самом по себе плотном и чреватом плоскостью текста, на котором тот возвращается уже не как собственное приращение в каузальности перформаций и не как простое продолжение, предполагающее развертывание обнаруженных в нем новых кодов–смыслов (все это включено в игру текста, только теперь “по праву” его симуляции), но функционируя как такое распутывание “конца”, которое пишет “начало” новой вязи смысла, неизбежно расстраивающей (в смысле нарушающей) предыдущую» [1: 56].

Основной задачей дальнейших пограничных исследований мог бы стать не ответ на вопрос, что есть граница, но, скорее, как она возможна. Формальная сущность границы и ее воспроизведения могут быть определены в терминах участного/ неучастного присутствия и перехода.

1. Богатырева Е. Д. Расследование границы или знаки ничто: граница текста // Граница и опыт границы в художественном языке: материалы междисциплинарного научного семинара (2001–2002 гг.) и русско-немецкой науч. конф. (Самара, 4–6 июля 2001 г.). Самара, 2003.

2. Григорьева Е. Очерки по теории и прагматике регулярных механизмов культуры. М., 2005.

3. Информатору Wikileaks Мэннингу в США грозит 136 лет тюрьмы: сайт. URL: <http://news.tj/ru/news/informatoru-wikileaks-menningu-v-ssha-grozit-136-let-tyurmy>

4. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 4 кн. М., 2001. Кн. 4.

5. Коул Х., Джонс О. Герой нашего времени: сайт. URL: <http://liva.com.ua/manning-martyr.html>

6. Махов А. Е. «Есть что-то, что не любит ограждений»: библейская доктрина границы и раннеромантический демонизм // Темница и свобода в художественном мире романтизма. М., 2002.

7. Меднис Н. Сюжетная функция границы в трагедии Пушкина «Борис Годунов» // Toronto Slavic Quarterly. Winter 2009. № 27. Сайт. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/27/mednis27.shtml>

8. Николаевский Б. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932.
9. Попкова М. Д. Культура XX века: кризис самоидентичности и проблема границ // Вестник Челябинского государственного университета. Философия, Социология, Культурология. Челябинск, 2012. Вып. 22 (276).
10. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 10 т. М.: Наука, 1964. Т. V.
11. Рорти Р. Случайность. Ирония. Солидарность. М., 1996.
12. Тлостанова М. В. Исследования пограничья/VS пограничное (со)знание, мышление, творчество // Вопросы социальной теории. 2012. Т. 6.
13. Хейердал Т. Цитаты: сайт. URL: <http://citaty.info/quote/man/86665>
14. Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7 т. М., 1994. Т. 2.
15. Штёльтинг Э. Социальное значение границ // Кочующие границы: сб. статей по материалам международного семинара (Нарва, 12–16 ноября 1998 г.) / под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова. СПб., 1999. Труды. Вып. 7.
16. Янцен В. Предательство как проблема индивидуальной памяти и исторической традиции // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. Т. 12. Вып. 2. СПб., 2011. С. 242: сайт. URL: <http://www.ergojournal.ru/?p=149>
17. Chelsea Manning Awarded Sam Adams Integrity Prize for 2014: сайт. URL: <http://www.privatemanning.org/featured/chelsea-manning-awarded-sam-adams-integrity-prize-for-2014>

Ю. В. Сарычев

**Феномен «нового человека» в культуре XX века:
предварительный анализ**

УДК 008+34

Феномен «нового человека» имеет глобальное и локальное социально-антропологическое значение. В глобальном смысле он является следствием процессов социально-экономической модернизации. В локальном смысле идея «нового человека» складывается в рамках идеологии тоталитаризма.

Ключевые слова: новый человек, антропология, глобальные процессы.